

Шэнь Шивэнь прислушался и, убедившись, что дыхание по-прежнему остается ровным, попытался приподняться, чтобы снова дать лекарство — иначе на следующее утро у человека раскалывалась бы голова.

Стоило ему приподнять корпус всего на пару дюймов от постели, как чья-то рука обвила его за талию и рывком увлекла обратно на кровать.

Шэнь Шивэнь с закрытыми глазами знал, кому принадлежит эта рука. Он даже не успел раскрыть рта, как поверх его ног легла чужая нога, и вмиг он оказался полностью, с головой заключенен в объятия Сун Чжичжао.

Теперь Шэнь Шивэнь уже никак не мог пошевелиться — да и не смел. Ему оставалось лишь позволить Сун Чжичжао использовать себя в качестве человеческой подушки для обниманий, и так, в полном тумане, они проспали всю ночь...

За окном восходящее солнце разогнало легкую дымку, его лучи скользнули в комнату и упали прямо на широкую кровать, угодив точно на щеку Шэнь Шивэню.

Яркий свет заставил его ресницы дрогнуть, и он с неохотой вынырнул из сна. Но едва открыв глаза, он уперся взглядом в Сун Чжичжао, который находился непозволительно близко. Шэнь Шивэнь мгновенно протрезвел, а сердце заколотилось в бешеном ритме.

Он протянул руку, коснулся щеки Сун Чжичжао, и в его взгляде проступили нежность и тоска.

Сун Чжичжао проснулся как раз от этого легкого движения.

Он чуть склонил голову, пытаясь ускользнуть от ласкающей щеку руки. Сонливость еще не отступила, глаза открывать не хотелось, и он даже не пытался сообразить, где находится и почему рядом кто-то есть.

Он лишь невпопад пошарил руками по тому, кто прижимался к нему, а когда ощутил под пальцами крепкое, сбитое тело, резко распахнул глаза и нос к носу столкнулся со взглядом Шэнь Шивэня — глубоким и говорящим о многом.

Сун Чжичжао впервые в жизни потерял самообладание. Он торопливо разжал руки и ошарашенно сел на кровати, выпрямившись стрункой.

Выпито накануне было немало, и от этого резкого подъема в голове тут же зашумело, затылок пронзила тупая боль. Он зажал виски ладонями и хрипло произвел:

— Что здесь происходит? Ты почему тут?

Шэнь Шивэнь остался крайне недоволен подобным вопросом. Приподняв один уголок губ, он с усмешкой протянул:

— А почему мне тут не быть? Что такое, кого это ты, А-Чжао, надеялся обнаружить в своей постели?

Сун Чжичжао на мгновение лишился дар речи. События прошлой вечера помнились ему смутно, в памяти запечатлелось лишь смутное ощущение мягкости чужих губ на своих... а кроме того... Ах да, уже засыпая, он и вправду отчетливо уловил запах, принадлежавший Шэнь Шивэню.

Сейчас Сун Чжичжао чувствовал себя так, будто его заживо замуровали, испытывая непреодолимое желание со всех ног броситься наутек.

Он серьезно подозревал, что прошлой ночью сотворил нечто непоправимое, однако, опустив взгляд на собственную одежду, обнаружил ее на удивление аккуратной.

Заметив намерение парня сбежать, Шэнь Шивэнь оперся локтем о подушку, полулежа прислонился к изголовью и нарочито распахнул ворот так, чтобы был виден большой участок обнаженной груди. Придав голосу слабость, он протянул:

— Сун Чжичжао, неужели ты меня совратил, а теперь не хочешь брать ответственность?

Порыв Сун Чжичжао к бегству мгновенно угас. Он испуганно обернулся, и стоило его взгляду упасть на полуобнаженного Шэнь Шивэня, как в горле застрял тяжелый сглотнутый ком.

Пришлось признать: в этот момент Шэнь Шивэнь выглядел чертовски соблазнительно. Не обладай Сун Чжичжао такой железной выдержкой, он бы, пожалуй, не удержался и «снова» сожрал его со всеми потрохами.

Не зная, что ответить, Сун Чжичжао растерянно замер на месте, не смея сделать ни шагу вперед или назад.

Шэнь Шивэнь внутренне усмехнулся, а затем поманил его пальцем, призывая подойти ближе.

Руководствуясь мыслью о том, что нельзя быть последней сволочью и нужно нести ответственность за того, с кем переспал, Сун Чжичжао послушно приблизился. Но стоило ему оказаться у края постели, как Шэнь Шивэнь ловко затянул его в объятия, ухватив за талию.

Прильнув щекой к его пояснице, Шэнь Шивэнь пробормотал с капризной интонацией в голосе:

— А-Чжао, ты лишил меня чистоты, так что теперь ты обязан за мной ухаживать.

Сун Чжичжао на секунду растерялся. Он ведь тоже мужчина, и если бы между ними действительно произошло нечто подобное, как он мог ничего не заметить и не почувствовать?

Он серьезно подозревал, что его водят за нос, но разоблачать обман не смел — в конце концов, Шэнь Шивэнь был тем самым человеком, в которого он был влюблен долгие годы.

Оставалось лишь выдавить из себя:

— И как же я должен за тебя отвечать?

Убедившись, что план удался, Шэнь Шивэнь вскинул голову, заглянул в глаза Сун Чжичжао и произнес совершенно искренне:

— А-Чжао, ты мне тоже нравишься. Давай встречаться.

После этих слов время словно замерло.

То самое трепетное чувство, которое они так старательно прятали глубоко внутри, наконец прорвало речные запруды сердец, поднимая легкую рябь.

В голове у Сун Чжичжао осталась лишь звенящая пустота, будто рассудок затмило внезапным счастьем. Долгое время он лишь слегка подрагивал губами, прежде чем кивнуть и выдохнуть:

— Хорошо.

Лишь много времени спустя Сун Чжичжао узнал, что в ту ночь первым в своих чувствах подшофе признался он сам.

А еще позже выяснилось, что Шэнь Шивэнь был влюблен в него уже давным-давно, и все эти годы они любили друг друга по взаимному согласию.

Глава 5

Сун Чжичжао и Шэнь Шивэнь начали встречаться, когда им было по восемнадцать, и продолжали по сей день, когда обоим стукнуло по двадцать четыре — их роман длился уже целых шесть лет.

Опасаясь, что родные не одобряют их союз, Сун Чжичжао все эти годы держал отношения с Шэнь Шивэнем в глубоком секрете.

За исключением двух закадычных друзей — Гу Чухэ и Линь Шуюня — об этом не знал абсолютно никто. Им удалось провернуть настоящий трюк с обманом небес, и скрываться получалось ровно шесть лет.

Но в последнее время Шэнь Шивэню надоело прятаться.

Под ярким светом ламп в художественной студии Чжиинь Сун Чжичжао с улыбкой рассматривал и вертел в пальцах колечко.

Видя, как тот довольно прикусил губу, расплывшись в сияющей улыбке, Шэнь Шивэнь и сам почувствовал сладкое тепло в груди. Он уже подался вперед, намереваясь выпросить нежный поцелуй, а заодно уломать любимого супруга сходить куда-нибудь на ужин при свечах, как вдруг его взгляд случайно скользнул в угол, где в мусорной корзине белесой примесью выделялось нечто пронзительно-красное.

— Заходил Хэ Юньцзин?

Брови Шэнь Шивэня мгновенно сошлись на переносице, голос приобрел кислый оттенок, и он даже не пытался скрыть мощную волну ревности.

Сун Чжичжао смущенно опустил руки, отведя глаза в сторону, и после небольшой заминки честно признал:

— Да, он заглядывал утром.

Шэнь Шивэнь всё же не посмел срывать злость на парне, с которым они провели в разлуке целых полмесяца, поэтому лишь закрыл глаза и глубоко вздохнул, силой подавляя накатывающую ярость.

Но как бы он ни старался притвориться, будто ничего не замечает, взгляд так и норовил соскользнуть в тот злополучный угол. В конце концов, терпение его лопнуло: с мрачным лицом Шэнь Шивэнь широким шагом пересек комнату, подошел к урне и вытащил оттуда роскошный букет ярко-красных роз.

Ничего не понимающий Сун Чжичжао проследил за ним недоуменным взглядом и спросил:

— Ты что удумал?

Глядя на розы в собственной руке, Шэнь Шивэнь уже живо представил, как Хэ Юньцзин прихорашивался перед зеркалом, надушенный и самодовольный притащился в студию, весело щебетал о чем-то с Сун Чжичжао, а напоследок всучил ему эту гадость.

От одной этой мысли бушующая внутри ярость вспыхнула с новой силой. Весь напускной юмор улетучился, и сквозь зубы Шэнь Шивэня процедило:

— Ничего особенного. Просто собираюсь выбросить эту мозолящую глаза дрянь.

Выбросить. Всё до единого стебля отправить на помойку!

И этот букет, и того, кто его притащил — закинуть как можно дальше, чтобы духу их здесь не было!

При упоминании Хэ Юньцзина Шэнь Шивэня начинало трясти от бешенства.

Еще со средней школы этот Хэ Юньцзин только и делал, что ошивался рядом, изображая с Сун Чжичжао невероятно близкие отношения — картина была отвратительнее некуда.

Поначалу, помня о том, что Хэ Юньцзин как-то выручил Сун Чжичжао из неприятностей, Шэнь Шивэнь стиснул зубы и терпел. Кто же знал, что этот гадёнок привык садиться людям на шею — он умудрился заявиться вслед за ними в ту же старшую школу.

Правда, в самом начале учебы, благодаря угрозам Шэнь Шивэня и вмешательству Линь Шуюня, Хэ Юньцзин затаился на целых три года и больше не устраивал никаких пакостей.

Но Шэнь Шивэнь и в страшном сне не мог представить, что этот тип умудрится поступить в Юйцзянскую академию художеств и даже станет учеником давнего наставника Сун Чжичжао — мастера Фу Яньчэна!

Вот уж подарок судьбы: мало того, что Хэ Юньцзин теперь находился под бок у Сун Чжичжао, так они еще и числились однокурсниками у одного учителя. Их общение неизбежно стало еще теснее, чем раньше!

Шэнь Шивэнь даже пытался успокаивать себя тем, что Хэ Юньцзин видит в Сун Чжичжао исключительно друга и не имеет никаких задних мыслей.

Однако вскоре после поступления в университет, когда они с Сун Чжичжао встречались едва ли три месяца, он заметил, какими масляными глазами эта паршивая собака смотрит на его благоверного.

Дальше — больше. Осмелев окончательно, мерзавец регулярно осыпал Сун Чжичжао знаками внимания: то молочный чай приволокнет, то в кино зазовет. И хотя Сун Чжичжао неизменно давал от ворот поворот, самого Шэнь Шивэня от этой наглости кололо во всех боках.

Пара раз, когда ярость переходила все границы, он среди ночи вытаскивал Сун Чжичжао из академии и утаскивал в ближайший отель, где они предавались страсти до самого утра.

Независимо от того, в какой позиции он оказывался, Шэнь Шивэнь непременно оставлял на шее Сун Чжичжао парочку не слишком бросаких следов — в конце концов, если метки

получались слишком темными, Сун Чжичжао потом тайком дулся.

К счастью, едва перейдя на второй курс, Сун Чжичжао по непонятной причине сам предложил снять за пределами кампуса квартиру на двоих, и только это помогло успокоить вечно взвинченные нервы Шэнь Шивэня.

Но стоило Шэнь Шивэню сегодня снова наткнуться на этот букет, как его душевное равновесие рухнуло.

С какой стати, спрашивается, у человека хватало наглости дарить розы чужому парню в день Циси? Что это вообще за манеры, будто он, законный муж, уже сыграл в ящик!

Шэнь Шивэнь был готов поспорить: если бы этот ублюдок по фамилии Хэ сейчас подвернулся ему под руку, он бы непременно отходил его до полусмерти, чтобы неповадно было пялиться на чужих мужчин.

К несчастью, от того мерзавца не осталось и тени, и весь накопившийся гнев выплеснуть было просто некуда.

Слегка нахмурившись и продолжая дуться в одиночестве, Шэнь Шивэнь вытащил из букета розы по одной и принялся в клочья рвать лепестки.

Опасаясь, что муж поранится о скрытые на стеблях шипы, Сун Чжичжао поспешно подошел ближе, перехватил его за запястье и успокаивающе произнес:

— Перестань злиться, любимый, еще руки исцарапаешь.

Услышав заботу в голосе парня, Шэнь Шивэнь испытал тайное злорадство, но все же с нарочито недовольным видом швырнул обломанные стебли обратно в урну, пробормотав себе под нос:

— До чего же тошнотворно.

Сдержав улыбку при виде того, как тот дуется точь-в-точь капризный ребенок, Сун Чжичжао продолжил мягко усовещивать его:

— Да-да, ты абсолютно прав, и этот человек, и цветы — все они одинаково противные. Хочешь, я пойду и выброшу их на помойку?

Только после этого на душе у Шэнь Шивэня немного отлегло, однако он всё же не преминул ядовито добавить:

— А что насчет этого типа? Может, ты впредь прекратишь всякие контакты с этой ходячей собакой по фамилии Хэ? От одного вида его меня воротит.

Точнее говоря, не просто воротит — его мутило так, будто он в одиночку осушил пару кувшинчиков ядреного уксуса!

Если бы не желание сохранить репутацию Сун Чжичжао, он бы непременно врезал этому Хэ Юньцзину пару раз от души, да так, чтобы тот пулей вылетел из города Юйцзян.